

ИРКУТСК похлопал за «Спасибо»

■ Земфира выпустила новый альбом («Спасибо»), запустила его в продажу через салоны сотовой связи, похудела и проехала по стране с туром, разорявшим промоутеров и подтвердившим, что аудитория госпожи Рамазановой, еще недавно состоявшая из нестройно колышущихся бескрайних толп неопределенно-женского пола, неумолимо уменьшается в размере и приобретает более сбалансированный в половом отношении состав. Одним из первых от обаяния и нового имиджа певицы с удовольствием пострадал ВАДИМ ТИТОВ.

Отвечая на вопрос о том, в каком отделе музыкального магазина она хотела бы видеть свой новый альбом, Земфира «скромно» заявила, что это раздел «Лучшая российская певица». Я, честно признаюсь, после концерта госпожи Рамазановой настроен более решительно: ей вместе с альбомом «Спасибо» самое место в просто «Лучшем» без половых или стилевых разграничений.

Сказать, что этот концерт ждали, значит ничего не сказать. Столпотворение на входе, томное

ожидание в баре, беспорядочное хождение туда-сюда и сплошные разговоры о том, как сильно Земфира похудела и о новом альбоме, который вроде бы хорош, но не совсем понятен. За звукорежиссерским пультом скучал мужчина в очках, во внешнем виде которого угадывался представитель зарубежного государства, на сцене были готовы к бою инструменты. Редкое (для концертов отечественных музыкантов) разнообразие последних, пиетет перед зарубежными звукорежиссерами и качество альбома «Спасибо» заставили меня с самого начала поверить в успех предстоящего концерта.

Но я ошибался, это не был успех. Точнее, это был не просто успех. Такой успех обычно называется ошеломляющим, но я употребил бы слово «фурор». С самой первой песни и до последнего коллона Земфира держала такой темп, что электризация воздуха достигла критической точки. Когда она поклонилась и ушла со сцены, моя знакомая совершенно точно заметила, что после такого было бы неправильно выходить на «бис».

Еще одно слово, которое уместно применительно к происшедшему в клубе «Мегаполис» в тот вечер — это «красиво». Невообразимая пластичность, переходящая в пантомиму (иногда Земфиру было не отличить от марионетки, подвешенной на нитях кукловода), тонкие и точные интонации в песнях, табачный дым, музыканты в белом и черном, — все это было сдержанно и притягательно, профессионально и искренно. Это было красиво.

Кроме нового, Земфира пела и материал прошлых альбомов. Я умышленно не называю его «старыми песнями», потому что от «старого» ничего не осталось. Это были новые песни, с новым смыслом, иногда («Любовь как случайная смерть») с новой болью. «Прости меня, моя любовь», «Доказано», «Город» изменились до неузнаваемости, приобрели либо джазовые, либо поп-интерпретации, пронызывались сумасшедшей трубой и филигранным пианино. «Сказки», «Трафик», «Ненавижу», «Созрела», исполненные одна за другой, обрушились на мало вменяемый к тому времени зал диско-сетом, заставившим танцевать всех и вся (даже респектабельные мужчины производили шевеления различными частями тела в такт музыкальным ритмам).

Она действительно похудела, мало говорила «на публику», шутила с музыкантами, пила чай, много двигалась, курила, но главное — она пела. Причем так, как мало кто способен сегодня на пространстве Российской Федерации.

После этого концерта я знаю совершенно точно: музыка имеет смысл ради таких моментов.